

Урожай чертополоха

Анна ЧЕПУРНОВА, Ольга КАНИСКИНА

СОРНАЯ ТРАВА ЧЕРТОПОЛОХ ПРИЛИПАЕТ ТАК, ЧТО ОТОДРАТЬ ЕЁ НЕПРОСТО. ТАК ЖЕ НЕПРОСТО ОТОРВАТЬСЯ ОТ ЧТЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ КНИГ, ВЕДЬ ЛЮБАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В НИХ ОБРЕТАЕТ ТЕАТРАЛЬНОСТЬ. НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО ИМЕННО ЧЕРТОПОЛОХ СТАЛ ЭМБЛЕМОЙ КОНКУРСА «ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН», НА КОТОРЫЙ В ЭТОМ ГОДУ БЫЛО ПРЕДСТАВЛЕНО ОКОЛО СТА ПЯТИДЕСЯТИ НОМИНАНТОВ. ЖЮРИ (ДМИТРИЙ ТРУБОЧКИН, ФЕЛИКС КОРОБОВ, ДМИТРИЙ КРЫМОВ, ГАЛИНА ТЮНИНА И ДМИТРИЙ РОДИОНОВ) ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ КОНСТАНТИНА РАЙКИНА ВЫБРАЛО ПЯТЕРЫХ ЛАУРЕАТОВ И ДВУХ ОБЛАДАТЕЛЕЙ СПЕЦПРИЗА. НЕКОТОРЫМ ИЗ НИХ ПОСВЯЩЕНА СЕГОДНЯШНЯЯ РУБРИКА «КНИЖНАЯ ЛАВКА».

На электрическом стуле ЧТО ЭТО БЫЛО?

М.: Артист. Режиссер. Театр, 2014

Книжку «Что это было?» «сообразили на троих» режиссёр и муж режиссёра Кама Гинкас, режиссёр и жена режиссёра Генриетта Яновская (именно такие роли они попеременно играют в своём уникальном творческо-семейном союзе), а также театральный критик и друг этой семьи Наталья Казьмина. В процессе написания книга «осиротела»: скоропостижно скончалась Наталья Казьмина, которая как хороший постановщик режиссировала эту книгу, вдохновляя своих собеседников вспоминать и отбирать самое ценное, соревнуясь за право воспроизвести тот или иной эпизод. Оставшись вдвоём, Гинкас и Яновская, эти «персонажи в поисках автора», довели начатое до конца, не скрывая своей растерянности.

«Мы с Гетой как Сакко и Ванцетти, которых убили в США на электрическом стуле. Уже никто не помнит за что. Но навсегда эти имена связаны между собой электрическим стулом... пройдут годы,

никто уже не вспомнит, но произнесут обязательно вместе, потому что мы подключены к одному электрическому стулу». Этим «электрическим стулом» стал театр. Общий учитель Товстоногов, чьё влияние было настолько мощным, что хотелось «перерезать пуповину». Комнатный театр «Синий мост», где зрителей (а среди них – Фоменко, Володин, никому ещё неизвестный Полунин) всегда было больше, чем разномастных стульев, чья бедность диктовала условия игры и открывала творческую «свободу в скорлупе ореха», Красноярский ТЮЗ, Театр им. Моссовета, Московский ТЮЗ.

Театр был родом из детства (а в нём гетто, и дом для умственно отсталых детей как единственное укрытие, и переломанные судьбы соседей, и отец – начальник «Скорой помощи», который организовал среди врачей хор и кукольный театр). А потом из советской фантасмагории (салют к Дню шахтера, похожий на канонаду, во время неофициальной премьеры «Варшавской мелодии»: актёры играли, думая, что началась война, а зрители бегали смотреть салют, но возвращались в зал; или организация свадь-

Thistle Harvest

Anna CHEPURNOVA, Olga KANISKINA

THISTLE WEED STICKS TO YOU SO WELL THAT IT'S NOT EASY TO TEAR IT OFF. IT IS EQUALLY DIFFICULT TO TEAR ONESELF AWAY FROM READING THEATRE BOOKS. IT IS NO SURPRISE, THEREFORE, THAT IT WAS THISTLE THAT BECAME THE SYMBOL OF THE THEATRICAL NOVEL COMPETITION WHICH HAD SOME ONE HUNDRED FIFTY NOMINEES THIS YEAR. THE JURY (THEATRE HISTORIAN DMITRY TRUBOCHKIN, DIRECTOR FELIX KOROBOV, DIRECTOR DMITRY KRYMOV, ACTRESS GALINA TYUNINA, AND THE BAKHRUSHIN MUSEUM DIRECTOR DMITRY RODIONOV) UNDER THE CHAIRMANSHIP OF ACTOR AND DIRECTOR KONSTANTIN RAIKIN SELECTED FIVE COMPETITION WINNERS AND TWO SPECIAL PRIZE WINNERS. TODAY'S BOOKSHOP IS DEDICATED TO SOME OF THE AWARDEES.

On the electric chair WHAT WAS THAT?

М.: Артист. Режиссер. Театр, 2014

The book What Was That? was written by director and director's husband Kama Ginkas, director and director's wife Henrietta Yanovskaya (those are precisely the parts they alternate in playing in their unique creative and family union) and theatre critic and family friend Natalia Kazmina. During the course of writing, the book became an "orphan", following a sudden death of Natalia Kazmina, who, being a good director that she was, stage-managed this book. Left on their own, Ginkas and Yanovskaya, these "characters in search of an author", saw the project through to the end.

"Hetta and I are like Sacco and Vanzetti, who were executed in the US on the electric chair. Nobody remembers anymore why they were executed. But their names are forever tied to the electric chair." Theatre became that "electric chair." Their common instructor Tovstonogov, whose influence was so powerful that you wanted to "cut the umbilical cord." The one-room Blue Bridge

Theatre, where there were always more spectators (among them Fomenko, Volodin, and the then unknown Polunin) than there were scrappy chairs, whose poverty dictated the rules of performance and uncovered creative "freedom in a nutshell", the Krasnoyarsk Youth Theatre, the Mossovet Theatre, the Moscow Youth Theatre.

Theatre hailed from childhood (and that childhood included a Jewish ghetto, a home for the mentally handicapped children as the only shelter, their parents' broken lives, and the father – head of the ambulance service – who organized a choir and a puppet theatre for the doctors to take part in). And then from the Soviet phantasmagoria – seen with a director's eye,

бы в Магадане двух посаженных по ложному обвинению друзей – переводчика Константина Азадовского и его жены Светланы; или вязаные плавки и сапоги – куда деть фантазию, когда вязание жены становится единственным заработком семьи режиссёров).

Удивительна интонация этой книги – ирония и горечь, убийственная точность в словах и деталях, в которых фальши и пафосу не оставлено ни единого шанса.

Этажи иероглифов

МНЕМОЗИНА. ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕАТРА XX ВЕКА. ВЫПУСКИ 5 И 6
М.: Индрик, 2014

«Мнемозина» – огромные фолианты с не публиковавшимися ранее документами и подробнейшими комментариями к ним – приковала к себе внимание сразу, как только эта серия родилась почти двадцать лет назад. Но пятый и шестой (балетный) выпуски стали настоящим бестселлером в театральной среде.

В начальном разделе пятого выпуска размещены материалы, посвящённые Камерному театру, столетие которого отмечалось немногим более года назад. Это уникальная публикация дневников Алисы Коонен, глубоко интимных (с зачеркиваниями, кляксами, обрезанными страницами) и вместе с тем точно рассчитанных на пристальное внимание потомков (отношения с Константином Станиславским, Василием Качаловым, Николаем Церетели, Александром Скрябиным и, конечно же, Александром Таировым, путешествия и встречи, ставшие эмоциональной «рудой» для её ролей). Переписка Коонен и Таирова в 1943 году,

когда театр был эвакуирован в «самый дикий» Барнаул и давал спектакли в бывшей тюремной церкви (ни единого упоминания об идущей войне – она растворена во всех мелочах), дополняется подборкой рецензий немецкой и австрийской критики на абсолютно новаторский спектакль «Человек, который был Четвергом».

Сколько бы ни было написано о МХАТе, белые пятна все равно остаются. «Мнемозина» открывает читателю полные драматизма страницы мхатовской летописи. Это отражённая в письмах история качаловской группы, отделившейся от остальной труппы в годы Гражданской войны. Скитания в 1919–1922 годах, почти таборный быт, бесконечные переезды, поиск путей возвращения на родину (участие Вадима Шверубовича в белом движении, да и само пребывание артистов на территориях, занятых белой армией), зреющая опасность раскола внутри труппы на «возвращенцев» и «невозвращенцев», растущее недовольство мхатовцев, оставшихся в Москве, вплоть до угрозы Немировича-Данченко запретить пользоваться «брендом» Художественного театра.

Продолжает мхатовскую тему исполненный трагизма рассказ о Василии Сахновском, самом ожидаемом преемнике на посту руководителя МХАТа, арестованном по доносу и вернувшимся домой совершенно сломленным. А сквозь призму его судьбы читатель видит, что МХАТ болел одной из самых страшных болезней страны – доносительством и травлей. К сожалению, многие документы, связанные с именем Василия Сахновского, до сих пор не открыты.

Балетный выпуск «Мнемозины» собирался параллельно и тоже полон открытий. Здесь впервые публикуются материалы, посвящённые Брониславе Нижинской: дневник 1919–1922 годов «Чернота делает росчерк в душе мой», первый вариант её основополагающего трактата «Школа и Театр движения» (в это время она работала в Киеве с учениками созданной ею школы и сотрудничала с молодой Александрой Экстер) и письма Дягилеву и дягилевцам 1921–1925 годов; также четыре письма её легендарного брата Вацлава к Борису Асафьеву. Как отмечает выдающийся балетный критик Вадим Гаевский,

described with the utmost detail – they will tell you more about the Soviet Atlantis than any thick textbook.

The tone of the book is remarkable – there's irony and bitterness, deadly precision in words and details, where falsehood and histrionics are given no chance whatsoever.

Storeys of hieroglyphs
MNEUMOSYNE. DOCUMENTS AND FACTS FROM THE HISTORY OF DOMESTIC THEATRE OF THE 20TH CENTURY. ISSUES 5 AND 6
М.: Индрик, 2014

Mneumosyne – a collection of giant folios with never before published documents and incredibly detailed related commentary – compelled attention to itself right away, the moment the series was born nearly twenty years ago. The fifth and sixth (ballet) issues, however, became true bestsellers in theatre world.

The beginning section of issue 5 includes material dedicated to the Kamerny Theatre, which celebrated its one hundredth anniversary a little over a year ago. It's a unique publication of Alisa Koonen's journals, deeply personal (with crossed out words, ink blots, cut off pages) and at the same time perfectly designed for the scrutiny of future generations (her relationships with Konstantin Stanislavsky, Vasily Kachalov, Nikolai Tsereteli, Alexander Skryabin, and, of course, Alexander Tairov, her travels and encounters that became the emotional "ore" for her performances). The correspondence between Koonen and Tairov in 1943, when the theatre was evacuated to "the very wilderness" of Barnaul and showed its productions in a former prison church (not a single mention of the war that was going on – it was diluted in all the minutiae), is supplemented with a selection of reviews from German and Austrian critics on the profoundly groundbreaking production of "The Man Who Was Thursday."

No matter how much has been written about the MAT, there are still blank spots remaining. Mneumosyne opens for readers the drama filled pages of the MAT chronicles. It's the history of Kachalov's group, which was separated from the rest of the company during the Civil War years, as reflected in the letters. It's the vagrancy of the 1919–1922, the almost camping-ground

type existence, the constant relocations, the search for ways to return to the native land (Vadim Shverubovich's involvement in the White movement, and the actors' actual presence in the territories occupied by the White Army), the growing threat of a division within the company between "returnees" and "defectors", the ever-increasing discontent on the part of the MAT actors that stayed behind in Moscow, to the point where Nemirovich-Danchenko threatened to forbid the use of the Art Theatre's "brand name."

The MAT theme is continued with the tragic story of Vasily Sakhnovsky, the most anticipated successor for the post of the head of the MAT, who was informed on and arrested and returned home a completely broken man. And through the prism of his life readers see that the MAT was suffering from one of the country's most terrible afflictions – snitching and targeted persecution. Unfortunately, many of the documents that are connected with Vasily Sakhnovsky remain sealed to this day.

Mneumosyne's ballet issue was put together separately and is also full of discoveries. Materials dedicated to Bronislava Nijinska – the 1919–1922 diary "Blackness Flourishes in My Soul", the first version of her seminal treatise "The School and Theatre of Movement" (at the time, she was working in Kiev with students from the school she had created and was collaborating with the young Aleksandra Ekster), and her letters to Diaghilev and Diaghilevians of the 1921–1925; as well as four letters written by her legendary brother Vaslav to Boris Asafyev – are published here for the first time.

The anthology opens with a selection of materials from ballet historian Georgy Rimsky-Korsakov's artistic legacy "Notes of a St. Petersburg Theatregoer" and publications dedicated to choreographer Alexander Gorsky. The subject of the fateful 1930s–1940s is raised here as well – in the documents detailing the dispute about the ways of the Soviet ballet (1932) and the correspondence between choreographer Leonid Yakobson and composer Boris Asafyev. Meyerhold's name comes up again – in a publication on Valentin Parnakh's choreography in the great director's productions of "Giraffe-like Idol", "Storeys of Hieroglyphs" and "The Epic": art is a single organism, and its different types are in essence connecting vessels. New art

«дневник – свидетельство интеллектуальной жизни сравнительно молодой танцовщицы, начинающего балетмейстера и начинающего педагога... Поражает, как много она читает, что читает и какой след оставляет чтение в её душе, в её мыслях». Ясность мышления присутствует и в письмах Вацлава Нижинского, несмотря на все разговоры о его душевной болезни.

Открывает альманах подборка материалов из творческого наследия историка балета Георгия Римского-Корсакова «Записки петербургского зрителя» и публикации, посвящённые хореографу Александру Горскому. Тема роковых 1930–1940-х годов возникает и здесь – в документах диспута о путях советского балета (1932) и переписке хореографа Леонида Якобсона с композитором Борисом Асафьевым. Вновь звучит имя Мейерхольда – в публикации о хореографии Валентина Парнаха в спектаклях великого режиссёра «Жирафовидный истукан», «Этажи иероглифов» и «Эпопея»: искусство – единый организм, а разные его виды суть сообщающиеся сосуды. Новое искусство рождало нового зрителя, которому посвящено отдельное исследование (Материалы секции ГАХН).

История вообще (и в частности история искусства) не может быть застывшей, помещённой в какие-то рамки. Её познание – живой драматичный процесс, который не терпит цензуры, умолчаний, подгонки под чьи-то концепции. Об этом с поразительной ясностью говорит каждый выпуск «Мнемозины».

Ольга КАНИСКИНА

В пространстве свободы

ТЕАТР БОРИСА МЕССЕРЕРА.

В 2-Х ТОМАХ

Гамма-Пресс, 2014

Книга знаменитого художника недавно была удостоена премии «Театральный роман», учреждённой Государственным центральным театральным музеем имени Бахрушина. Это издание приятно взять в руки: в чёрном футляре два увесистых тома с обложками, украшенными маской быка. Той самой, что стала визитной карточкой автора после создания им декораций к легендарной «Кармен-сюите». Двухтомник является и энциклопедией театрального

творчества Мессерера, и в то же время художественным альбомом, поскольку большую его часть занимают репродукции эскизов и театральные фотографии. Первая книга посвящена постановкам 1960–1981 годов, вторая – спектаклям, поставленным начиная с 1981-го вплоть до 2014-го, и инсталляциям Бориса Мессерера. Иллюстрации чередуются с краткими рассказами автора о каждой постановке, и их можно назвать своеобразной летописью театра второй половины XX – начала XXI века, ведь Мессерер работал с легендарными режиссёрами: Юрием Любимовым, Анатолием Эфросом, Борисом Покровским, Валентином Плучеком, Олегом Ефремовым.

Чтение авторского текста временами поистине захватывает: корифею отечественной сценографии Мессереру не чуждо чувство юмора и самоиронии. Чего стоит, например, история о том, как он с Александром Ширвиндтом и Андреем Мироновым украл на строительной выставке макет дома, необходимый для декорации спектакля в Театре сатиры! Или бесстрашное повествование о том, как Фаина Раневская отнеслась к декорациям к спектаклю «Дальше – тишина». В нём художник водрузил на шкафы скопление старых ненужных вещей, и актриса, боявшаяся, что всё это упадет ей на голову, говорила: «Я признаю все виды любви, но если на сцене совокупляются качалка и велосипед, я этого видеть не могу».

Красной нитью через оба тома проходит тема свободы художника и гражданина. Особенно громко она звучит в разделе инсталляций. «Жанр инсталляции всегда притягивал меня, поскольку это проявление личной художественной инициативы автора», – пишет художник. Ужасы сталинского режима стали одной из наиболее интересных для Мессерера тем. В 2013 году он создал инсталляцию «Обыск», годом раньше участвовал в конкурсе на проект памятника, посвящённого жертвам сталинских репрессий в городе Кирове. Этот конкурс Мессерер выиграл, но, к сожалению, пока монумент остаётся только проектом. Зато его макет художник выставлял на ретроспективной выставке своих работ в Третьяковской галерее три года назад.

Анна ЧЕПУРНОВА

begot new audience, which gets a separate discussion devoted to it (section with the materials from the State Academy of Artistic Sciences).

History in general (and art history in particular) cannot remain motionless, cannot be placed within any sort of confines. Its perception is a live dramatic process that abhors censorship, omissions, tailoring to someone else's concepts. Every issue of Mneumosyne speaks to that with startling clarity.

Olga KANISKINA

Within the space of freedom

THE THEATRE OF BORIS MESSERER.

IN 2 VOLUMES

Gamma Press, 2014

This publication is pleasant to hold: a black case that holds two weighty volumes with covers decorated with a bull's head. The same one that became the author's calling card after the stage design he created for the legendary "Carmen Suite." The two-volume is both an encyclopedia of Messerer's theatre work and an art book, because the majority of it is taken up by copies of sketches and theatre photographs. The first book is dedicated to the 1960–1981 productions, the second one – to productions staged from 1981 through 2014 and Boris Messerer's installations. Illustrations alternate with the author's brief stories about each production, and they can be called theatre chronicles of sorts for late 20th – early 21st century theatre, for Messerer worked with legendary directors:

Yuri Lyubimov, Anatoly Efros, Boris Pokrovsky, Valentin Pluchek, Oleg Yefremov.

The author's text is truly captivating at times: Messerer, a luminary of domestic stage design, is no stranger to humor and self-irony. Suffice it to mention the story of how he along with Alexander Shirvindt and Andrei Mironov stole from a construction show a model of a house that was needed for a stage design at the Satire Theatre! Or his fearless tale of what Faina Ranevskaya said about the design for the production of "Make Way for Tomorrow." In it the artist hoisted a bunch of old useless things on top of closets, and the actress, who was afraid of having all of those things fall on her head, said, "I accept all types of love, but when you have a rocking chair and a bicycle copulating on stage, I cannot stand to look at it."

A common thread that runs through both volumes is the subject of freedom of an artist and a citizen. It rings especially loud in the section on installations. The horrors of Stalin's regime became one of the most interesting subjects for Messerer. In 2013, he created an installation called "The Search", a year earlier he took part in a competition for the design of a monument dedicated to the victims of Stalin's repressions in the city of Kirov. Messerer won that competition. Unfortunately, however, the monument is still only in its design stage. But the artist did present his model at a retrospective exhibition of his work at the Tretyakov Gallery three years ago.

Anna CHEPURNOVA

